

Н.А. Непомнящих

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Драматический отрывок «Старухи» Л.М. Леонова

Аннотация: В статье рассмотрен драматический отрывок Л.М. Леонова «Старухи» (1927), не попадавший в поле зрения исследователей, не переиздававшийся с конца 1920-х гг., в контексте эволюции авторской поэтики.

The L.M. Leonov's dramatic fragment «The Old Women» (the unaccomplished work that deals with the 25th October of 1917) is studied in the article in the context of the entire Leonov's literary heritage for the first time. The poetics' elements which are typical for the «late» Leonov are shown.

Ключевые слова: творчество Л.М. Леонова, литература 1920-х годов, литературные образы старух.

L.M. Leonov's works, literature of 1920th, literary images of old women.

УДК: 821.161.1 (091) «19»-31.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН, сектор литературоведения. Тел. (383) 3304772. E-mail: motiv_ifl@ngs.ru.

Среди творческого наследия Л.М. Леонова помимо известных, постоянно привлекающих внимание исследователей текстов, есть и те, что уже давно остаются в тени. Одним из таких, словно забытых всеми леоновских текстов, является драматический отрывок «Старухи», помещенный в альманахе «Круг» за 1927 год [Леонов, 1927]. Одноименного законченного произведения в последнем десяти-томном собрании сочинений писателя нет. Как нет произведения, куда данный отрывок вошел бы в неизменном или в переработанном виде. Перед нами либо часть нереализованного целиком замысла, либо изначально написанный именно для публикации в 1927 году фрагмент. Тысяча девятьсот двадцать седьмой – год десятилетия октябрьской революции, и не учитывать этот фактор нельзя, поскольку время действия в драматическом отрывке – вечер 25 октября 1917 года.

Тема революции в двадцатые годы для писателя одна из основных. Им написан цикл повестей, в которых отражено его восприятие революции и последовавших за ней изменений. [Якимова, 2007]. В советской критике повести прочитывались как «картинки из отжившего мира», в каждой из которых в центре оказывался некий чуждый новой жизни социальный «элемент», обреченный кануть в лету вместе с пережитками старого мира. В драматическом отрывке «Старухи» все действующие лица, за исключением появляющегося в финале матроса, также представители того самого «старого мира»: три безымянных старухи, графиня Ухтоксина, мадам Рабутен (ее имя дано по-французски) и две пожилые кузины: Александра Павловна и Наталья Петровна. В списке действующих лиц указана Екатерина Петровна, но в тексте отрывка она никак не участвует, зато в списке нет Натальи Петровны, вокруг которой не только сосредоточена одна из сюжетных линий, но которая активно участвует в диалоге с Александрой Павловной. Возможно, здесь имеет место обычная опечатка.

На первый взгляд, сцена является бытовой зарисовкой, но в то же время ее можно рассматривать как «маленькую трагедию». Все зависит от угла зрения

и восприятия. Текст характерно по-леоновски насыщен. В четыре страницы плотно умещается очень многое. Время действия – октябрь 1917, вечер штурма Зимнего дворца. Место действия – общежитие дворянских вдов в Ксениинском институте в Петербурге. Ксениинский институт располагался в бывшем дворце великого князя Николая Николаевича в Петербурге. Он принадлежал ведомству учреждений Императрицы Марии, здесь обучались девочки из числа малообеспеченного дворянства. В 1917 году здание было передано Петроградскому Совету Профессиональных союзов и было переименовано в Дворец Труда.

Для москвича Леонова это дважды необычный выбор. Во-первых, он решает показать время решающих для октябрьского переворота событий, но его внимание приковано к дворянским вдовам, нескольким забытыми всеми старухам. Что это – эпатаж? Чувство внутренней оппозиции? Или присущее ему желание заглянуть в обыденную, «немифологизированную» идеологией жизнь обычных людей разных социальных слоев? Именно этот ракурс станет определяющим в повестях писателя о революции и гражданской войне. Среди драматических произведений этого периода можно выделить пьесу «Унтиловск», переработанную из повести, – в ней действующие лица также являются людьми «сомнительной» биографии и «контрреволюционных» взглядов для современной им идеологии. Строители нового мира появятся в творчестве писателя позже, начиная с романа «Соть» (1930), хотя и там найдется место для представителей мира старого, с которыми приходится спорить новым героям. В рассматриваемом отрывке лишь входящий с вестью в финале матрос – представитель новой действительности. Но в данном тексте ему принадлежит лишь несколько финальных фраз.

Старухи раскладывают пасьянс, пререкаются, делят воблу, ворчат на единственную прислугу – Машу. Между Александрой Павловной и Натальей Петровной идет непрекращающийся разговор о некоем Николае, который должен был захватить за Натальей Петровной, но так и не появился. Наталья Петровна очень волнуется за его судьбу, из ее реплик становится ясно, что Николаю должен о чем-то договориться, отдать кому-то деньги и уехать в имение. Однако нынче это стало небезопасно: «Все солдаты... костры. Теперь они сожгут Петербург! (Стук пулемета)» [Леонов, 1927, с. 156]. У Натальи Петровны болит голова, несколько раз очень быстро бьется сердце. Она постоянно порывается пойти к Николаю на Большую Морскую 17. Большая Морская – одна из старейших улиц Петербурга, которой посвящено целое исследование [Бройтман, Краснова, 2005]. Она проходит от Дворцовой площади до Крюкова канала, начинается зданиями Генерального штаба и министерств, от арки Главного штаба до Невского и далее. Здесь примечательно своей историей каждое здание, так в доме 14/15, (до революции дом Елисеевых) в 1919 году располагался Дом искусств, где нашли приют многие известные литераторы.

Тот отрезок, на котором располагается названный семнадцатый дом, так характеризуется исследователями: «К началу XX века улица сменила свой характер: она стала более деловой, ее заполнили страховые и акционерные общества и банки, щеголявшие друг перед другом богатством внешнего и внутреннего убранства своих домов» [Там же, с. 157]. Дом № 17, в описываемое Леоновым время, соседствует со зданием одного из самых крупнейших российских банков – Русским торгово-промышленным. Сам небольшой дом № 17 один из старейших, большая часть квартир сдается внаем. Люди, проживающие или работающие здесь должны быть отнюдь не бедными. Путь Натальи Петровны из Ксениинского института на Большую Морскую должен лежать в направлении Дворцовой площади. Путь ожидаемого ею Николая – в обратном направлении. Октябрь 1917-го. Вечер штурма Зимнего. За окнами тем временем слышны крики и выстрелы, одна из пуль разбивает стекло. Впрочем, возможно, что Натали ждет его уже не первый вечер. Окружающие реагируют на ее порывы пойти к Николаю с привычной им усталостью, уговаривая и сдерживая.

В скупые четыре страницы укладывается эта маленькая трагедия: Наталья Петровна, уже готовая к выходу, присаживается из-за очередного сердечного приступа и умирает. Именно в этот момент входит матрос со словами: «Радуйтесь, Зимний взят!» [Леонов, 1927, с. 160]. Это и есть финал. Надо отметить, что в «Старухах», также как, например, в пьесе «Метель», действие не выходит за пределы одного помещения. Но, как и в «Метели», здесь не менее важными оказываются события, происходящие за пределами помещения. События, происходящие за окном, не показаны, но неумолимо влияют на ход действия и жизни персонажей. Происходящее врывается в привычный мир общежития дворянских вдов самым непосредственным образом: слышны гул и крики, стук пулемета, и старухи посылают Машу узнать, в чем дело. Из-за открытой двери слышится разговор по телефону. Окно разбивает пуля. В тесном мирке старух эти события хотя и вызывают некоторое смятение, но гораздо большую эмоциональную окрашенность имеют другие их чувства: беспокойство Натальи Петровны о Николая, ностальгия, голод старух, жадность некоторых при дележке воблы. Тесный мир внутри этих стен не готов к переменам. На реплику Маши «трудиться теперь надо» Ухтоксина потерянно отвечает: «Да-да, мы будем трудиться» [Там же, с. 159]. «Потерянно» – это авторская ремарка.

Ремарки являются немаловажной частью общего текста. Около половины из них характеризуют психологическое состояние персонажей: «смягченно», «потерянно», «раздраженно», «злостно косясь на остальных», «мрачно», «взбудоражено, смеясь и плача от волнения». Другая часть ремарок называет сопровождающие основное действие звуки: «в раскрытую дверь разговор по телефону», «стрельба», «напевает», «смеется», «растерянная тишина», «гул с лестницы или с улицы», «ворвался голос», «гул, крики, отдаленное пение». Еще одна часть называет действия: «все смеются», «сбивает ей карты», «стоит молча, затем начинает подбирать карты на полу», «села», «закрыла лицо руками», «хочет приласкать Наталью Петровну, но голова той бессильно отваливается назад: Нат. Петр. умерла. Александра Павловна дико отскакивает, бежит к двери, распаивает ее» [Там же, с. 160]. В целом ремарок многовато для столь небольшой сцены и она вполне могла быть изложена в повествовательном ключе. Основное действие, влияющее на жизнь персонажей, разворачивается за сценой: где-то там Николая, которого тщетно хочет проведать Наталья Петровна, и совсем рядом – революционные события, события октябрьского переворота, словно не замечаемые действующими лицами.

В этом отрывке, так же, как и во всей последующей драматургической части творчества Леонова, отчетливо проявляется «тенденция к эпической смысловой ёмкости»: «Во внешне камерных пьесах Леонова нет развернутого изображения эпохальных процессов, история предстает в “притчевых сгустках”» [Чубракова, 1993, с. 16]. З.А. Чубракова, изучая особенности леоновской драматургии, заостряет внимание на важной для поэтики писателя особенности: «Символ, миф, притча, являясь важнейшим способом морально-философского обобщения в драматургии Леонова, позволяют художнику исследовать мир и человека в непреходящих, “коренных” свойствах, разворачивая мистерию “Жизнь Человека”» [Там же, с. 16]. В данном леоновском драматическом отрывке слышна и более конкретная переключка с «Жизнью Человека» Л. Андреева: три безымянные старухи одинакового возраста (по 66 лет) сродни безымянным старухам из «Жизни Человека». У Л. Андреева они болтают и злорадствуют, присутствуя при рождении и смерти Человека. Здесь их функция сходна: не участвуя в основном диалоге, разворачивающемся между Александрой Павловной и Натальей Петровной, они бросают отдельные реплики, злорадные и неприятные, как например, реплика 1-й старухи о том, что «всех стариков теперь на мыло перепущают», и таким образом способствуют нагнетанию общей тягостной обстановки.

Старухи в последующей леоновской драматургии будут представлены не столь «концентрированно», но всегда это значимый, а не проходной персонаж в общей системе пьесы. Наиболее выразительны глухонемая Домна Ивановна в «Укрощении Бададошкина», которая оказывается вовсе не глухонемой; а также слепая Марфа в пьесе «Метель». Именно этим старухам выпадает роль выявлять истинные качества героев, обнаруживать истину или фальшь в их характере. По отношению других персонажей к этим старухам можно судить о степени их человечности, искренности, нравственности. Они словно воплощают в себе понятие совести, утраченное другими. Им, обладающим выраженными физическими недостатками: глухотой, немотой, слепотой, – взамен дается иное видение.

В этих леоновских старухах улавливается аллюзия и к пьесе «Анфиса» Л. Андреева, где именно бабушке известны все хитросплетения взаимоотношений домочадцев, поскольку ее просто считают глухой и нисколько не стесняются слов, выражений, поступков в ее присутствии. Однако именно она лучше всех понимает, что происходит с героями в действительности. Подобны этой сюжетной ситуации события, происходящие с леоновскими старухами: Домной («Укрощении Бададошкина») и Марфой («Метель»). Надо отметить, что в 1927 году, – году публикации «Старух», Леоновым был написан рассказ «Темная вода», где главной героиней также становится слепнущая старуха. Как видим, леоновские старухи – это особая тема, вполне заслуживающая дальнейшего более подробного рассмотрения.

Что касается рассматриваемого драматического отрывка, то нельзя не заметить, что ему свойственна и такая важная примета, характерная для всех леоновских текстов, как их культурологическая насыщенность, интертекстуальная плотность, заданность полисемантической образов и реплик, в том числе и при помощи парафраз, цитат, разнооформленного «чужого слова». Это свойство леоновской поэтики проявляется в «Старухах» в том числе и в языковой сложности: в тексте, написанном на русском языке, есть несколько реплик на французском, цитата по-английски, несколько просторечных фраз. Глуховатая графиня Рабутен постоянно переспрашивает по-французски. Есть и цитата – первая строчка из стихотворения Байрона, данная по-английски. В буквальном переводе она означает: «Когда мы двое прощались в молчании и слезах...». Строчку из лирического стихотворения Байрона пытается напевать Наталья Петровна, вспоминая былую жизнь в усадьбе. Тема байроновского стихотворения – тайная любовь и разлука, возможность новой встречи, при которой приветствовать былую возлюбленную можно будет лишь молчанием и слезами. Оно задает одну из сквозных тем произведений Леонова. В последующем леоновском творчестве ближе всего теме и содержанию цитируемого стихотворения история несостоявшейся любви Аркадия Гермогеновича и Танечки Бланкенгагель в «Дороге на Океан». Коллизии и настроение повести «Evgenia Ivanovna» также сходны с печальным содержанием стихотворения Байрона, к ней оно могло бы послужить своеобразным эпиграфом. Возможно, и в незавершенной пьесе планировался сходный конфликт: бегство из Николая из России, возвращение «в слезах и молчании». Вспомним кстати, что именно «в слезах и молчании» возвращается в родной дом один из героев пьесы «Метель», Порфирий Сыроваров. Молчание его вынужденное – у него повреждено горло и потому он не может говорить. Одна из важнейших проблем, поднятая в пьесе «Метель» – это право на родину, право на жизнь. А также право видеть, слышать и говорить то, что думаешь. Недаром эта пьеса была снята почти сразу после первых успешных постановок и подверглась травле в прессе.

Весь этот клубок неразрешимых вопросов о Родине завязывается здесь, в драматическом отрывке «Старухи», мир которых безжалостно рушится. Возможно, что имя одной из героинь – Наталья, которое на латыни означает «родная», в этом контексте появляется отнюдь не случайно и является внутренне обоснованным. В своем монологе она вспоминает Верочку, – еще одно говорящее

имя. Сложно судить, какую символику оно приобрело бы в завершённом произведении, а в тексте, который нам явлен, оно звучит как загадка. Верочка упомянута единожды и все, что о ней становится известно – это то, что «у нее был хороший голос» и что «она уж семь лет, как умерла» [Леонов, 1927, с. 157].

В поэтике зрелого Леонова чрезвычайно важное место занимает числовая символика. В данном отрывке числа также примечательны. Во-первых, точно указан возраст всех действующих лиц. Во-вторых, несколько раз упоминаются даты. Возраст всех трех безымянных старух одинаков – 66 лет. Зачем им дано ровно одно и то же число? Да еще и трижды повторено? Есть ли в этом отсылка к «числу зверя»? Сумма их дает 198, сложив эти цифры, получим 18, а сложив один и восемь, получим девять, – столь часто получающуюся в результате у Леонова девятку! [Якимова, 2009].

Семь лет или три года, – об этом спорят старухи, – отделяют Наталью Петровну от пожара в усадьбе, когда Николая был «еще совсем мальчик», тогда же убили великого князя. Старухи, раскладывающие пасьянс, также называют карточные «двойки», «шестерки», «семерки»... Сложно судить сейчас, какие шифры «включились» бы в ткань несуществующего целого произведения. Сам драматический отрывок в нем вполне мог бы стать одним из тех многочисленных «вводных эпизодов», которым в произведениях писателя отводилась важнейшая роль – роль смысловой доминанты, фокуса, «притчевого сгустка» [Якимова, 2009].

Пьесы с одноименным заглавием у Леонова нет. Среди известных сейчас произведений нет и такого, куда этот отрывок вошел бы частью целого. Перед нами либо фрагмент незавершенного замысла, либо текст, который изначально был написан как отрывок, отдельная сцена. Помочь установить истину здесь мог бы архив Л.М. Леонова, но, к сожалению, он по-прежнему не доступен научному сообществу, исследователям творчества писателя. Поэтому пока анализ этого текста основывается не на рукописных материалах, а на электронной версии первой журнальной публикации. Связь драматического отрывка «Старухи» с последующим творчеством писателя несомненна. В отрывке явлены многие из художественных приемов и принципов, характерных именно для поэтики зрелого Леонова, что немаловажно при анализе ее эволюции. В то же время этот отрывок позволяет взглянуть свежим взглядом на проблему отношения писателя к революции.

Литература

- Бройтман Л., Краснова Е. Большая Морская улица. М., СПб., 2005.
- Леонов Л.М. «Старухи» // Круг. Альманах артели писателей, [6]. 1927. С. 155–160. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/sovlit/c/100660.html>.
- Чубракова З.А. Драматургия Л. Леонова. Проблемы поэтики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1993.
- Якимова Л.П. Повести Леонида Леонова о революции и гражданской войне как жанрово-тематический и семантико-поэтический цикл. Новосибирск, 2007.
- Якимова Л.П. След В. Одоевского в произведениях Л. Леонова // Критика и семиотика. Новосибирск, 2009. Вып. 13.